

УДК 16.168

DOI: 10.18413/2408-932X-2024-10-2-0-4

Михайлов И. А.

**Философия и психология в соревновании за статус
фундаментальной науки**

Институт философии РАН,
ул. Гончарная, д. 12, стр. 1, г. Москва, 109240, Российская Федерация;
ia.mikhaylov@gmail.com

Аннотация. Цель статьи состоит в определении обстоятельств, определяющих развитие одного из наиболее популярных сюжетов в изложении феноменологии Гуссерля: критика психологизма в вопросе об основаниях научного знания, а также последовавшие обвинения самого Гуссерля в «психологизме». В статье показано, что в XIX в. философия проходит ряд внутренних трансформаций, вызванных критикой со стороны естествознания. Одним из результатов этой критики становится заимствование философией некоторых принципов построения научного знания. К их числу относится опора на «факты» и «опыт». В применении к анализу субъективности это приводит к анализу психической жизни как сферы непосредственной достоверности. Философия отказывается от «метафизического» понятия души в пользу ориентации на «психические феномены», «факты сознания». Вместе с тем психология выдвигается на роль основной модели анализа субъективности; ее метод и подход могут теперь считаться «эмпирическими», а не умозрительно-спекулятивными. Фактический процесс развития как психологии, так и философии приводит к тому, что психология начинает рассматриваться как главная модель доступа и к психической жизни в целом, и к сознанию как особой выделенной области. Никакая версия альтернативного основоположения знания не может обойти этого фундаментального обстоятельства, если только намеревается предложить свою теорию субъективности. Это обстоятельство было, на наш взгляд, значительно более серьезным «вызовом» для Гуссерля и его философии, нежели тенденция к занятию философских кафедр психологами.

Ключевые слова: феноменология; психология; наука; Гуссерль; Дильтей; Брентано; психологизм; сознание

Для цитирования: Михайлов И.А. Философия и психология в соревновании за статус фундаментальной науки // Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования. 2024. Т. 10. № 2. С. 38-49. DOI: 10.18413/2408-932X-2024-10-2-0-4

I. A. Mikhaylov

**Philosophy and psychology competing for the status
of a fundamental science**

Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences,
12/1 Goncharnaya St., Moscow, 109240, Russian Federation; ia.mikhaylov@gmail.com

Abstract. The purpose of the article is to determine the circumstances that determine the development of one of the most popular plots in stories about Husserl's phenomenology: criticism of psychologism in the question of the foundations of scientific knowledge, as well as the subsequent accusation of Husserl himself of "psychologism". The article shows that in the 19th century philosophy goes through a series of internal transformations caused by criticism from natural science. One of the results of this criticism is that philosophy borrows some principles for constructing scientific knowledge. These include reliance on "facts" and "experience". When applied to the analysis of subjectivity, this leads to the analysis of mental life as a sphere of immediate certainty. Philosophy abandons the "metaphysical" concept of the soul in favor of an orientation toward "mental phenomena", "facts of consciousness". At the same time, psychology is being promoted to the role of the main model for the analysis of subjectivity; her method and approach can now be considered "empirical" rather than speculative. The actual process of development of both psychology and philosophy leads to the fact that psychology begins to be considered as the main model of access to mental life in general, and to consciousness as its special designated area. No version of the alternative foundation of knowledge can bypass this fundamental circumstance if it intends to offer its theory of subjectivity. This circumstance was, in our opinion, a much more serious "challenge" for Husserl and his philosophy than the tendency for psychologists to occupy philosophy departments.

Keywords: Phenomenology; psychology; science; Husserl; Dilthey; Franz Brentano; psychologism; mind

For citation: Mikhaylov I. A. (2024), "Philosophy and psychology competing for the status of a fundamental science", *Research Result. Social Studies and Humanities*, 10 (2), 38-49, DOI: 10.18413/2408-932X-2024-10-2-0-4

1. Экспозиция: общая канва вопроса о «феноменологии» и «психологии»

При изложении проблем феноменологии одним из неперемных «сюжетов» становится разъяснение эволюции Гуссерля от «Логических исследований» (Гуссерль, 2011a; 2011b) к первому главному произведению «трансцендентального» периода, к «Идеям к чистой феноменологии» (Гуссерль, 2009). Уже внутри этого сюжета одним из главных героев – причем, скорее, «отрицательных» персонажей – является

психология. Общая канва этой линии обсуждена многократно. Гуссерль ставит перед собой задачи выявления универсальных основ научного знания; подлинный смысл универсальности и общезначимости, значимости для каждого субъекта, предполагает их всеобщую универсальность, значимость для «ангелов и людей». Вот наиболее известная формулировка этого постулата: «То, что истинно, то абсолютно, истинно "в себе"; истина одна и та же; постигают ли ее и судят ли о ней люди или нелюди, ангелы или боги. Об истине в этом

идеальном единстве в противовес реальному многообразию рас, индивидов и переживаний говорят логические законы и все мы, если мы не ослеплены релятивизмом» (Гуссерль, 2011a: 112). Для этого искомые основания не должны зависеть ни от чего частно-фактического, случайного. Они не должны опираться на то, что непостоянно, подвержено изменениям, случайно. Сама по себе эта позиция далеко не оригинальна, в разной степени ее разделяют все, кого интересует возможность философии (метафизики) как науки, возможность выявления универсальных основ знания. Мы, поэтому, найдем ее у мыслителей самых разных эпох: И. Канта и неокантианцев, Б. Больцано и многих представителей логической традиции XIX в., неокантианцев. Разделяет ее и Гуссерль. В связи с этой общефилософской позицией Гуссерль представляет свою знаменитую критику *психологизма*. Основания логики не могут быть основаны на психологии, то есть на чем-то, что имеет дело со случайными, изменчивыми параметрами. Тем самым кратко очерчен первый акт этой драмы и, одновременно, одна из главных идей *первого* тома «Логических исследований». У многих современников Гуссерля создалось устойчивое впечатление, что *второй* том «Логических исследований», вышедший буквально на следующий год, совершает как раз то, невозможность чего была продемонстрирована в первом томе этого же произведения. Во втором томе Гуссерль как будто переходит к анализу содержания того, что обнаруживается в *сознании*, в психической жизни человека, в *психике*. Непримиримый критик психологизма сам «впал в психологизм» – таков был достаточно распространенный в начале XX в. вердикт. Мы видим, что и здесь «психология» остается одной из центральных сюжетных тем.

С тех пор проблема психологии и отграничения собственного подхода от психологического была одной из важнейших задач и тревог Гуссерля. Во всех последующих переизданиях своего произведения автор добавлял обстоятельные разъяснения,

почему его (феноменологический) подход не следует считать «психологическим». Гуссерлю постоянно приходится признавать, что темы, которые он рассматривает, – переживание представлений, суждений, познаний *могут* быть поняты «как классы реальных процессов во взаимосвязях живой и одушевленной природы», и в этом смысле они «принадлежат предмету психологии как эмпирически-научному исследованию». «К чему же тогда усердная полемика с психологизмом?» (Гуссерль, 2011b: 21). Ответ заключается в том, что предлагаемая им философская программа нацелена на «чистую» дескрипцию, на сущностное усмотрение того, что заключено в таких эмпирически-конкретных феноменах, и, следовательно, в этом смысле «феноменология как раз *не* является дескриптивной психологией» (там же). Во многом именно с этой целью, а именно разграничения «сущностного» и «эмпирического» (т. е. «психологического») подхода, Гуссерль разрабатывает к 1913 г. разветвленную и сложную систему «очистительных» процедур (эпохэ, редукция), которые должны показать, что область, которую он предлагает сделать основным предметом анализа, есть особый объект, предполагающий строгие методы исследования и даже требующий его.

Однако даже и после этого психология продолжает оставаться одной из важнейших тем, по отношению к которой Гуссерль определяет природу собственной научной программы. Наиболее известным и показательным является здесь финальный вариант статьи «Феноменология» для Британской энциклопедии (Гуссерль, 1991). Даже этот текст, составленный спустя почти два десятилетия после критики психологизма в первом томе «Логических исследований», а также после многочисленных разъяснений Гуссерля на этот счет, не обходится без включения психологии в самую сердцевину определения природы феноменологии. «Феноменология, – разъясняет Гуссерль, – означает новый, дескриптив-

ный, философский метод, на основе которого в конце прошлого столетия была создана: 1) априорная *психологическая* наука, способная обеспечить единственно надежную основу, на которой может быть построена строгая эмпирическая психология; 2) универсальная философия, которая может снабдить нас инструментарием для систематического пересмотра всех наук» (Гуссерль, 1991; курсив мой. – И.М.). Далее статья для Британской энциклопедии разделена на четыре смысловых блока, первые два из которых (1. Феноменологическая психология. 2. Феноменолого-психологическая и эйдетическая редукции) опять-таки вынуждены проводить разграничение между «феноменологией» и «психологией».

Указанная особенность способа, какovým феноменология разъясняет суть своего научного подхода, была постоянным объектом внимания исследователей. В последние два десятилетия к традиционному разъяснению противоположности между «сущностным» и «эмпирическим» подходами было добавлена важная деталь, дополняющая эту историю с позиций социологии знания. В своих исследованиях Мартин Куш обратил внимание на то, что острота полемики Гуссерля с современной ему психологической наукой была в значительной мере обусловлена утратой влияния, тяжело переживаемой традиционной академической философией: все большее количество назначений на освобождающиеся кафедры философии, ранее занимаемые «философами», приходилось на ученых-психологов, на тех, кто являлся сторонником экспериментальных методов и подходов к исследованию философских вопросов познания. В самом общем плане Куш видит эту историю как «реакцию “чистых” философов на угрозу экспериментаторов» (Куш, 2002: 8; см. также: Куш, 2004). Не отрицая важности социологического анализа, я считаю необходимым более подробно осветить иной, на мой взгляд, значительно более важный для Гуссерля контекст: общетеоретиче-

ского «соревнования наук», в котором психология начинает восприниматься как прогрессивный и перспективный подход к традиционным философским проблемам.

2. Проблемы философии и успехи психологии в XIX веке

Ситуация, приводящая к противостоянию философии и психологии есть результат двух параллельно идущих линий развития. Первая из них касается общих изменений в представлениях об идеалах и нормах научности, вторая связана с конкретными успехами одной из новых дисциплин, утверждающих себя к середине XIX в.

2.1. Изменение положения философии по отношению к науке

К середине XIX в. философия находится под «огнем критики» своих подходов и методов. Общее направление этой критике задают успех естественных наук и соответственно тому меняющееся представление о предпочтительных методах научного познания. Если еще в немецком идеализме философия совершенно естественно считается образцом и воплощением всех идеалов научности (И.Г. Фихте, Ф.В.Й. Шеллинг, Г.В.Ф. Гегель), то к 1830–1840-м гг. эта связь уже не представляется очевидной. Философии предстоит *доказывать*, что она имеет все основания претендовать на статус науки. Представители стремительно развивающихся областей знания – биологии, химии, физики – с сожалением и насмешкой смотрят на попытки основать «философию органического» в трудах Шеллинга. Происходят постепенные изменения в практике использования языка: «наукой» все чаще начинают называть конкретные, «позитивные» исследования, тогда как философия оказывается в постоянной борьбе за свое положение в системе наук. Ей все труднее обосновывать свою роль «царицы наук». Понятие «метафизики» довольно скоро становится бранным словом. К концу XIX в. сами философы постепенно перенимают практику такого словоупотребления (в частности, уже

Виндельбанд говорит о философии и науке как культурно различимых феноменах).

Значимым фактором является не только критика философии со стороны «наук». Развивающиеся внутри самой философии процессы требуют некоторых принципиальных разграничений. В частности, необходимо каким-то образом разграничить, развести область «вечных», «универсально значимых» истин – и область «практической деятельности», «жизненной мудрости». (Вместе с тем, проблема «объективного» и «субъективного» перемещается, конечно, в другую плоскость, не исчезая совсем.) Философия продолжает говорить о себе как о научной философии. Только теперь она, похоже, держит себя скромнее. Она все реже претендует на то, чтобы выявить основания научного знания. Она теперь все больше стремится выстроить себя так, чтобы в ней обнаруживались те признаки научного, которые напоминали бы практику естествознания как прогрессивной, образцовой модели научности. Философия начинает противопоставлять себя «личностной», «индивидуальной» («авторской», «оригинальной») позиции; она говорит о «сухости» стиля и требует его. «Красоты стиля» теперь не признак научности, но, скорее, свидетельство не-научности произведения. Она требует строить философское исследование как коллективное предприятие – а это уже принципиально иной подход. Много позже он приведет к осознанию социальной природы научного исследования. Начиная с того периода школы и «сообщества» в философии становятся новым ориентиром. Еще через несколько десятилетий профессиональные организации философов становятся одним из признаков того, что мы имеем дело с реальным развитием науки. С середины XIX в. философия выстраивается как принципиально иная форма организации знания. Философия начинает понимать, что, в соответствии с новыми формами организации знания и новыми идеалами научной «коммуникации», пришло время новых форм презентации научных результатов. Именно

тогда, в середине XIX в., центр тяжести смещается с книг и «трактатов» в пользу краткой, «коммуникативной» формы: публикаций в периодических изданиях, *журналах*. С середины XIX в. философия впервые встает на путь, по которому пошло естествознание в конце XVII в. (подробнее см.: Михайлов, 2014).

Вопрос, стоявший перед философией, мог быть сформулирован так, как это позднее сделал Макс Шелер: «Как должна быть устроена философия, чтобы быть в состоянии сохранить свою собственную легитимность в той духовно-исторической ситуации грозящего самораспада, и при этом не ограничиться музейным содержанием и поддержанием самой себя или же чтобы не остаться “совой Минервы” частных наук?» (Scheler, 1971: 202). Подводя итог той ситуации, в которой оказывается западная философия к середине XIX в., К.-Х. Лембек указывает следующий набор требований и ориентиров (Lembek, 1994: 7). Мы приведем его с некоторыми уточнениями и дополнениями. 1. Становилось ясно: для того, чтобы в компании прочих наук философия имела голос, к которому прислушивались бы другие науки, *сама философия должна выступать в качестве науки*. Конечно, требование это не было принципиально новым, однако в новой ситуации оно означало: 2 необходимо определение *метода* этой философии-как-науки. 3. Форма презентации «итогов», «результатов» философии также должна согласовываться с этим методом: философия должна прежде всего быть *методически выстроена*. 4. Необходим далее всеобщее признанный «предмет», философского анализа. Далее мы увидим, что в философии XX в. будут разгораться непримиримые баталии как по поводу предмета, так и метода. 5. Поскольку философия была *вынуждена* вовлечься в теоретическое размежевание с частными науками, одной из стратегий в подобной полемике стало выстраивание философии как *всеобщей методологии*: философия имеет тенденцию превращаться в логику науки. 6. Философия

должна была обратиться к таким источникам познания, которые бы не создавали дополнительных препятствий для «диалога» между философами и представителями естествознания; иначе говоря: к такому опыту, который, хотя бы отчасти, могли считать «своим» также и частные (позитивные) науки. Таким источником оказывается непосредственный и, по возможности, неискаженный эмпирический опыт. В свою очередь, это создавало возможность, что саму философию будут воспринимать теперь как теорию опыта. Опыт как таковой становился темой философии (эта тенденция заметна как в неокантианстве, так и в философии Р. Авенаруиса). Из этих общих ориентиров следовали еще два производных. 7. Для обоснования автономии философии начала опыта должны были обнаруживаться непосредственно в познающем сознании. Философия, потому, совершенно закономерно превращалась в исследование сознания – как это проявится не только в феноменологии Э. Гуссерля, но и несколькими десятилетиями ранее в философии В. Дильтея. Опыт теперь зависит от явления, реальность предстает как «факт сознания» (ср.: Dilthey, 1997: 17, 58; Dilthey, 1990: 90). 8. Познание, исследование сознания как новой реальности, новой тематической области философии подразумевает при этом такой опыт сознания, в котором предметом является само сознание как сознание «являющееся».

Очевидно, что философия должна искать новые модели своего места в системе знания. Искомые модели должны в определенном смысле претендовать на универсальность. Однако теперь «общие» и «абстрактные» понятия и конструкции – понятия «духа» или «разума» – стали вызывать сомнения: они воспринимаются как метафизические и догматические.

Вторую половину XIX столетия в целом характеризует прежде всего потеря иллюзий относительно возможностей философского анализа (Lembek, 1994: 6-9). Общее недоверие к метафизике развивается параллельно прогрессу естествознания.

Следствием оказывается возрастающая ориентация стандартов и идеалов научности на те, что разработаны в познании природы. Почти повсеместно начинает доминировать натурализм. Теоретическим выражением этой идеологии становится позитивизм, призывающий к «конкретности», «фактам», «эмпирии». Под его влияние (или: под влияние такой ориентации) попадают все науки о человеке, а также сама философия. В области ли природы или духа – везде идеалом становится по возможности «непредвзятое» и «конкретное» изучение данностей, явлений, их описание, систематизация. Целью такого изучения является непосредственное влияние на практическое. В эту тенденцию вполне встраивается и марксизм с его известным «философы лишь различным образом объясняли мир, дело же заключается в его преобразовании». Прагматически ориентированные научные идеалы дополнительно способствуют тому, чтобы «метафизика» и «онтология» становились все менее популярными формами, в которых мыслит себя наука.

Все это приводит к кризису в философских и гуманитарных науках. Он проявляется по-разному. Историческая наука стремится к превращению в социальную статистику. Тенденция к эмпирии, фактам в психологии (которую теперь намереваются оставить в качестве «главной» науки о человеке) превращает ее в совокупность эмпирических, лабораторных исследований о человеке. Человека начинают изучать так же, как и объекты природы: эксперимент и математические средства становятся главными приемами такой психологии.

2.2. Развитие психологии в XIX в.

Если философия в XIX в. проходит период тяжелых и во многом болезненных для нее трансформаций, то психология развивается бурно и стремительно. По сути, подавляющая часть закономерностей конкретных механизмов познавательной деятельности, которые и по сей день использует не только сама психология, но и современная теория познания, опирается на то,

что было открыто именно в этот период развития психологии. Подробное рассмотрение этого развития не входит в задачи данной статьи, поэтому мы упомянем лишь несколько наиболее значимых вех. В 1833 г. появляются «Элементы физиологии» И. Миллера, начинает развиваться «физиологическая» психология. В 1860 г. выходит в свет «Психофизика» Фехнера, закладывающая фундамент экспериментальной психологии; ее результатом становятся многие из современных открытий, которые сегодня кажутся вполне естественными (например, феномен бинокулярного зрения). В 1874 г. выходит в свет первый том «Психологии с эмпирической точки зрения» Фр. Brentano; происходит открытие конкретных механизмов сознания; этот труд становится важнейшей основой для последующей феноменологической философии. На 1883 г. приходится выход в свет «Психологии музыкального восприятия» К. Штумпфа (Stumpf, 1883; Stumpf, 1890). Происходит открытие *временного* сознания, ставшего на нескольких десятилетиях одной из популярнейших областей анализа, и автор ожидает существенного приобретения для психологической науки. Наиболее известной в психологии Штумпфа стала теория так называемого «сплавления» звуков: психолог исходит из единичных слуховых феноменов, соединение между которыми обозначается термином «сплавление» – по своему типу этот подход не сильно отличается от механистического подхода Гербарта к анализу жизни души, отличие разве что в новой технологии этого соединения; Штумпф сохраняет главенствующий подход, характерный для того времени (*экспериментальный*): обнаруживаемые закономерности «слияния» эмпирически измеримы. Свою книгу Штумпф характеризует как такую монографию, которая как бы «прорезает», проходит насквозь через целое психологии как науки. То, о чем далее мы будем говорить как о поисках нового опыта наукой и философией XX в., в психологии Штумпфа решается через разведение так называемых «первичных» и

«вторичных» феноменов и постановки (перед психологией) задачи их описания. Очевидно, в этих «первичных» и «вторичных» феноменах психология пытается найти, открыть область изначального опыта психологии. Задачей психологии является также описание «психических функций» вне зависимости от их причинных отношений. Психология мыслится Штумпфом как пропедевтическая фундаментальная наука (Vorwissenschaft).

В 1885 г. линию психологических исследований памяти продолжает работа Германа Эббингауза (1850–1909) «О памяти». Примечательным для всего этого направления психологических исследований является *проблема времени*. Она затрагивается в совершенно различных комбинациях – будь то педагогически релевантная проблема «запоминания» (Эббингауз) или проблема звука. 1886 г. – к исследованию проблем памяти подключается Алексис Мейнон; речь не идет о конкретных открытиях и эмпирических закономерностях памяти, однако он ставит, помимо прочего, важную проблему взаимоотношения памяти и реальности. В 1894 г. выходит в свет «Описательная психология» В. Дильтея; в ней гуманитарно ориентированный автор предлагает метод разделения различных направлений познания; фактически, он предлагает одно из методологических решений, подкрепляющее выдвинутую им ранее программу обоснования «наук о духе»; это шанс к примирению между двумя направлениями (гуманитарным и естественнонаучным), однако он остается не использованным. Причина, разумеется, в том, что Дильтей считает аналитику внутреннего опыта тем конечным, на чем должна основываться любая наука. Согласиться с этим естественнонаучно ориентированная философия, конечно, не может: вопрос о первичности опыта есть вопрос социальных приоритетов, которые будут закреплены за тем или иным сообществом. В 1896 г. совместно с Теодором Липпсом Карл Штумпф проводит в Мюнхене Третий международный конгресс по психологии; о важности

Штумпфа для современной философии в различных отношениях мы еще будем говорить.

Мы видим, что на фоне падения роли философии постепенно (но неуклонно) вырастает другая наука, которая готова не просто «перенять эстафету» у философии, но и заменить собою эту форму отношения к миру. Складывающаяся ситуация делает ясным: философия, во-первых, не может избежать конфронтации с психологией ни в споре за ту область, которую она до того считала своей («дух», «субъективное», «внутренний мир», «душа»), ни в вопросах борьбы за место и статус в обществе – а здесь наступление психологии на позиции философии достаточно очевидно.

Примечательной особенностью этого периода оказывается то, что психология еще не достигла той степени «самосознания», чтобы считать себя наукой отдельной, независимой от философии. Соответственно, она еще не противопоставляет себя философии. Однако именно через психологию в философию проникают некоторые идеалы и нормы «позитивного» исследования.

3. Психология как «фундаментальная наука»

3.1. Психология как модель для философии

Описываемые нами процессы могут быть представлены как начало одного из первых в современной философии процесса «соревнования наук». Что это значит для философии? В соревновании с естествознанием философия «впитывает» в себя многие идеалы позитивизма. Философские средства познания должны теперь: 1) в той или иной форме восходить к эмпирическому *опыту*; 2) быть не-конструирующими, а непредубежденно описываемыми; 3) брать за основу тот же самый тип опыта, который берут в качестве своей основы и эмпирические науки, а именно область переживания эмпирического сознания. Конкретные варианты ответов на «вызовы времени» могут быть различны. Саму типологию «ответов» можно разделить на несколько направлений.

Одни (Брентано) пытаются еще более тщательно продумать идею научной психологии. Другие пытаются занять «оборонительную» позицию перед лицом надвигающегося позитивизма. Главным вопросом для них становятся попытки определить: есть ли нечто особое, специфичное для философии как науки, да и для всей системы гуманитарного знания (Дильтей). «Родимые пятна» позитивистской тенденции остаются и у них: а) точно так же опора на факты (пусть они и подразумеваются теперь как факты *сознания*); б) точно те же надежды на психологию как на центральную науку. Третьи – в основном логики – продолжают традицию Бернарда Больцано. Их размышления сосредотачиваются на проблемах абстрактных, идеальных объектов; главная проблема – объективность идеального (при всех различиях, к ним можно отнести Мейнонга и Фреге). Удачную для своего времени парадигму находят неокантианцы. Они предлагают историю философии как «позитивное» (не-абстрактное) исследование разума. И кроме того, они предлагают трактовать идеи трансцендентализма как *оценку*. Даже и это решение находится под влиянием позитивизма.

Ориентированные на естествознание теоретики следят за этими происходящими в философии процессами, всячески приветствуя сближение философии с естественными науками. Так, например, позитивист Э. Мах хвалит «спекулятивную скромность» естествоиспытателя, которого заботит в первую очередь «сама» природа и действующие в ней причины. Природа уже более не «объясняется», а только «феноменологически» описывается (Mach, 1933: 148; ср. также: Sommer, 1985). Уже в приведенных оценках мы видим, что идеалы «позитивного знания» – как идеалы не-конструирующего, метафизического – входят (на уровне идей дескриптивности) в большее понимание феноменологией своего метода. Наряду с идеей описательности *сознание* становится совершенно естественной областью исследований как для психологии, так и для философии. Открытие немецкого идеализма – того, что всякое знание есть вместе

с тем также и *самосознание* – получает в XIX в. уточненную позитивистскую трактовку.

Поэтому если феноменология впоследствии и оппонирует позитивизму, указывая на то, что основания научного знания не следует искать в «эмпирическом», то между двумя традициями обнаруживается немало сходства. О родстве с позитивизмом говорит Гуссерль, верные тенденции раннего позитивизма отмечает и В. Дильтей, хотя суть тех задач, которые он ставит перед своей собственной философией, в целом идет вразрез с этой научной программой.

3.2. Психология как основание наук

Все эти битвы наук за приоритетность возможны лишь тогда, когда в основе лежит идея фундаментального опыта. Когда спор за выбор того или иного пути молчаливо понимается как спор за выбор *единственного* пути. При всем различии выбранных стратегий построения новых основ системы знания, усилия двух основных мыслителей, Фр. Brentano и В. Дильтея, в разной степени значимых для феноменологии на разных этапах ее развития, можно трактовать как попытки восстановить гармонию в царстве «философских наук» (или, как стали говорить начиная с 1883 г., – «наук о духе») и даже системе наук в целом, определив для психологии новое «место», которое бы учитывало неимоверный прогресс в этой дисциплине в последней трети XIX в., а также показало психологию в качестве совершенно естественной, «фундаментальной» системы, лежащей в основаниях нашего знания. Каждый из мыслителей решает это по-своему. К 1870-м годам психология, при всех своих успехах, еще не достигла той степени самосознания себя самой как дисциплины, автономной и независимой от философии (как «метафизики»), и потому Brentano считает возможным дать ее основоположение. Первым, кто со всей отчетливостью сформулировал общенаучные притязания психологии на то, чтобы выступить фундаментальной наукой, и был Франц Brentano, бывший, наряду с психологом К. Штумпфом, одним

из тех, кто направил движение Гуссерля-математика в сторону философии. Для Brentano все теоретические науки образуют своего рода шкалу градаций, в которой каждая более высокая ступень основывается на более низкой; прогресс на более высоких ступенях возможен только при условии прогресса на низших. Такой основополагающей наукой для всех более высоких, как для теоретических, так и для практических, является психология; ее с полным правом можно назвать «наукой будущего» (Brentano, 1973: 33-36). Преимущество психологии заключается в том, что она основывается на феноменах внутреннего восприятия, «которые истинны в самих себе», придавая, таким образом, необычайную ценность психологическому познанию (там же: 28-29). Влияние позитивизма проявляется в том, что Brentano трактует психологию как науку о «психических феноменах»; это обозначение позволяет перейти от прежнего, расплывчатого и абстрактного понятия души к конкретному, позитивному исследованию психического. Последнее теперь подлежит членению на единицы, делающие детальный анализ возможным. Для обеих фундаментальных областей знания, физической и психической, подход должен иметь эмпирический характер (там же: 72). Несмотря на очевидную важность Ф. Brentano для феноменологии Гуссерля, иллюстрация фундаментальной роли психологии по отношению к системе наук была бы неполной без упоминания еще двух важных примеров.

В рамках по крайней мере еще двух философски важных направлений рубежа XIX–XX вв. – философии жизни В. Дильтея и марбургской школы неокантианства – представлены варианты, в которых на психологию возлагается роль «фундаментальной», основополагающей науки. Как и Brentano, Дильтей склонен относиться к области индивидуальной психической жизни как к сфере, изначально связанной с очевидностью. Вся психическая жизнь в целом, – так аргументирует Дильтей, – изна-

начально дана нам как (проживаемая, переживаемая) взаимосвязь, целостность. Она «изначально дана» нам, поскольку мы сами же ею и являемся. Соответственно, здесь мы можем наталкиваться на области неясного, однако никогда – на нечто принципиально чуждое нам самим. Сложное многообразие психики мы анализируем; применение гипотез (которые сообщали бы заведомую возможность наших конструкций оказаться впоследствии неистинными) здесь возможно в ограниченных объемах. Во всяком случае, исходят при этом из понимания – в противоположность познанию внешнего мира, который всегда дан нам фрагментарно, и поэтому в его познании мы опираемся на *объяснение*. Такая особенность данности внутренней психической жизни делает внутренний опыт более надежным познанием, а психологию – основой гуманитарных наук. Вместе с этой ролью психологии сознание превращается в центральную область анализа. Так, по Фр. А. Ланге, реальность сознания даже более достоверна, чем реальность атома. К концу XIX в. сознание (под влиянием экспериментальной психологии) становится естественной и главной проблемной областью исследований и, одновременно, главной оперативной категорией философии. Когда в начале XX в. философия попыталась перейти на новый язык, «сознание» стало новой категорией, выполняющей функцию «метакатегории» по отношению к «духу». Начинали говорить о «единстве духовной жизни в сознании» (Falkenberg, 1916: 3).

Таким образом, фактический процесс развития как психологии, так и философии, приводит к тому, что психология начинает рассматриваться как главная модель доступа и к психической жизни в целом, и к сознанию как особой выделенной области. Никакая версия альтернативного основоположения знания не может обойти этого фундаментального обстоятельства, если только намеревается предложить свою теорию субъективности. Это обстоятельство было, на наш взгляд, значительно более се-

рьезным «вызовом» для Гуссерля и его философии, нежели тенденция к занятию философских кафедр психологами.

Литература

Гуссерль, Э. Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии. Кн. первая. Общее введение в чистую феноменологию / пер. с нем. А.В. Михайлова; вступ. ст. В.А. Куренного. М.: Академический проект, 2009. 489 с.

Гуссерль, Э. Логические исследования. Т. I. Прологомены к чистой логике / пер. с нем. Э.А. Бернштейна под ред. С.Л. Франка; новая ред. Р.А. Громова. М.: Академический проект, 2011. 253 с. (а)

Гуссерль Э. Логические исследования. Т. II. Ч. 1: Исследования по феноменологии и теории познания / пер. с нем. В.И. Молчанова. М.: Академический Проект, 2011. 565 с. (b)

Гуссерль, Э. Феноменология (Статья для Британской энциклопедии) / предисл., пер. с англ. и примеч. В.И. Молчанова // Логос. 1991. № 1. С. 12-21.

Куш, М. Победителю достается все. Феноменология жизни и триумф феноменологии // Логос. 2004. № 3-4 (43). С. 171-204.

Куш, М. Социология философского знания: конкретное исследование и защита // Логос. 2002. № 5-6 (35). С. 1-31.

Михайлов, И.А. Английское Просвещение и журнал *Philosophical Transactions of the Royal Society*. Новая эпоха развития европейской науки // Философские науки. 2014. № 5. С. 9-19.

Brentano, Fr. *Psychologie vom empirischen Standpunkt / Mit Einleitung, Anmerkungen und Register hrsg. v. O. Kraus. Erster Band. Hamburg: Meiner, 1973. XCVIII, 279 S.*

Dilthey, W. *Gesammelte Schriften. Bd. V: Die geistige Welt. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1990. CXVIII, 442 S.*

Dilthey, W. *Grundlegung der Wissenschaften vom Menschen, der Gesellschaft und der Geschichte / Hrsg. v. H. Jonach, Fr. Rodi // Wilhelm Dilthey Gesammelte Schriften. Bd. XIX. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1997. LVII, 457 S.*

Falkenberg, R. *Zu Rudolf Eukens siebzigsten Geburtstag // Zeitschrift für Philosophie und philosophische Kritik. Bd. 160. Hf. 1. S. 1-6.*

Kusch, M. *Psychologism. A case study in the sociology of philosophical knowledge. New York; London: Routledge, 1995. 327 p.*

Lembeck, K.-H. Einführung in die phänomenologische Philosophie. Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 1994. VIII, 169 S.

Mach, E. Die Mechanik in ihrer Entwicklung historisch-kritisch dargestellt. Leipzig: F.A. Brockhaus, 1933. 493 S.

Scheler, M. Gesammelte Werke. Bd. I: Frühe Schriften. Bern; München: Francke, 1971.

Sommer, M. Husserl und der frühe Positivismus. Frankfurt am Main: Klostermann, 1985. 326 S.

Stumpf, C. Tonpsychologie. Leipzig: S. Hirzel, 1883. 427 S.

Stumpf, C. Tonpsychologie. Leipzig: S. Hirzel, 1890. 582 S.

References

Brentano, Fr. (1973), *Psychologie vom empirischen Standpunkt. Erster Band*. [Psychology from an Empirical Perspective. Vol. 1], in Kraus, O. (ed.), Meiner, Hamburg, Germany (in Germ.).

Dilthey, W. (1990), *Gesammelte Schriften. Bd. V: Die geistige Welt* [Collected works. Vol. V: The Spiritual World], Vandenhoeck & Ruprecht, Göttingen, Germany (in Germ.).

Dilthey, W. (1997), "Foundation of the sciences of man, society and history", in Jonach, H. and Rodi, Fr. (ed.), *Gesammelte Schriften. Bd. XIX* [Collected works. Vol. XIX], Vandenhoeck & Ruprecht, Göttingen, Germany (in Germ.).

Falkenberg, R. (1916), "On Rudolf Euken's seventieth birthday", *Zeitschrift für Philosophie und philosophische Kritik* [Journal of Philosophy and Philosophical Criticism], 160, 1, 1-6 (in Germ.).

Husserl, E. (1991), "Phenomenology (Encyclopedia-Britannica Article)", Transl. by Molchanov, V. I. *Logos*, 1, 12-21 (in Russ.).

Husserl, E. (2009), *Ideji k chistoy fenomenologii i fenomenologicheskoy filosofii. Kniga pervaya* [Ideen zu einer Reinen Phänomenologie und Phänomenologischen Philosophie. Erstes Buch] [Ideas towards pure phenomenology and phenomenological philosophy. Book One. General introduction to pure phenomenology], Transl. by Mikhaylov, A. V., Akademicheskij Proekt, Moscow, Russia (in Russ.).

Husserl, E. (2011a), *Logicheskie issledovaniya. T. I. Prolegomeny k chistoy logike* [Logische Untersuchungen. Erster Band. Prolegomena zur reinen Logik] [Logical research. Vol. I. Prole-

gomena to pure logic], Transl. by Bernsheyn, E. A., in Frank, S. and Gromov, R. (eds), Akademicheskij Proekt, Moscow, Russia (in Russ.).

Husserl, E. (2011b), *Logicheskie issledovaniya. T. II. Ch. 1: Issledovaniya po fenomenologii i teorii poznaniya* [Logische Untersuchungen. Buch 2: Untersuchungen zur Phänomenologie und Theorie der Erkenntnis T. 1] [Logical research. Volume II. Part 1: Research in phenomenology and theory of knowledge], Transl. by Molchanov, V. I., Akademicheskij Proekt, Moscow, Russia (in Russ.).

Kusch, M. (1995), *Psychologism: a case study in the sociology of philosophical knowledge*, Routledge, New York; London.

Kusch, M. (2002), "Sociology of philosophical knowledge: concrete research and defense", *Logos*, 35 (5-6), 1-31 (in Russ.).

Kusch, M. (2004), "The winner takes it all. Phenomenology of Life and the Triumph of Phenomenology", *Logos*, 43 (3-4), 171-204 (in Russ.).

Lembeck, K.-H. (1994), *Einführung in die phänomenologische Philosophie* [Introduction to phenomenological philosophy], Wissenschaftliche Buchgesellschaft, Darmstadt, Germany (in Germ.).

Mach, E. (1933), *Die Mechanik in ihrer Entwicklung historisch-kritisch dargestellt* [Mechanics in their development presented in a historical and critical manner], F. A. Brockhaus, Leipzig, Germany (in Germ.).

Mikhaylov, I. (2014), "Englisch Enlightenment and Philosophical Transactions of the Royal Society. A New Epoch in European Science", *Russian Journal of Philosophical Sciences*, 5, 9-19 (in Russ.).

Scheler, M. (1971), *Gesammelte Werke. Bd. I. Frühe Schriften* [Collected Works. Vol. I: Early writings], Francke, Bern; München, Germany (in Germ.).

Sommer, M. (1985), *Husserl und der frühe Positivismus* [Husserl and early positivism], Klostermann, Frankfurt am Main, Germany (in Germ.).

Stumpf, C. (1883), *Tonpsychologie*, S. Hirzel, Leipzig, Germany.

Stumpf, C. (1890), *Tonpsychologie*, S. Hirzel, Leipzig, Germany.

Информация о конфликте интересов: автор не имеет конфликта интересов для декларации.

Conflict of Interests: the author has no conflict of interests to declare.

ОБ АВТОРЕ:

Михайлов Игорь Анатольевич, кандидат философских наук, старший научный сотрудник, Институт философии РАН, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1, г. Москва, 109240, Российская Федерация; ia.mikhaylov@gmail.com

ORCID ID: 0000-0001-7750-9890

Researcher ID: I-2608-2016

ABOUT THE AUTHOR:

Igor A. Mikhaylov, Ph.D. in Philosophy, Senior Research Fellow, Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences, 12/1 Goncharnaya St., Moscow, 109240, Russian Federation; ia.mikhaylov@gmail.com

ORCID ID: 0000-0001-7750-9890

Researcher ID: I-2608-2016